

К 82
269

130

АЛЕКСЕЙ ДОРОГОЙЧЕНКО

СТИХИ И ПОЭМЫ

1916 - 1923

ГОД.

1945 г.

ЛУБИЗДАТ 1923. САМАРА

№ 2501

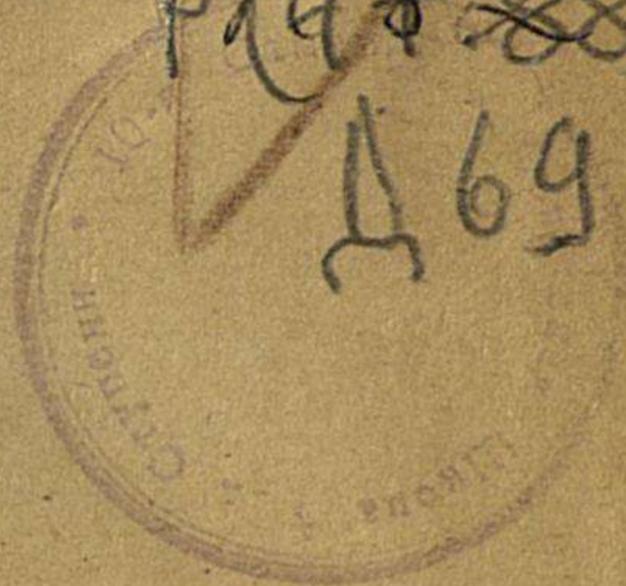
1941 г.

Алексей Дорогойченко.

Прозеренко

РГБ 888

Д 69

ИНАЯ ДЕРЕВНЯ.

(1916—23 г.).

НАУЧНАЯ

№ 40865

КНИГО

Ср.-Волж. края

КРАЕВЫЕ БИБЛИОТЕКА

САМАРСКИЙ ГУБИЗДАТ.

Отпечатано в 1-й типографии
„ПОЛИГРАФПРОМ“
уг. Троицк. и Венцика 62—20
в количестве 1500 экземпляров
(Самара). Гублито 16—362.

**Большекаменской мордовке—
маме моей полуслепшей—
Елизавете Степановне
книгу эту посвящаю.**

Содержание.

Деревня (из первой поэмы).

Иная деревня.

Большая моя Каменка.

Деревне прошлой.

Изранил мозольные плечи.

С полудремою степь неразлучна.

Так нежданно любовь засияла.

Мама моя на спектакле.

Песня девушки.

Волконференция.

Пасека.

Бахчу полю.

Даешь, степь!

Ночь на сенокосе.

Как я жать учился.

Урожай.

День труда до дна весь выпит.

Степь покоренная.

Липнет жирнопарная земля.

Отдых.

О детстве.

О себе.

Об игре в лошадки.

Первая маевка.

Вчера приехал я из города.

Волга.

Жигули.

Какая тишина густая.

Гроза первовесенняя.

Сок-река.

В лесу.

Деревня под соломой дремлет.

Степь (поэма).

ДЕРЕВНЯ.

(Из первой неоконченной поэмы).

1.

Бранливой мачехой была деревня,
Сроднила с черствою нуждой.
И жили мы под стоны цевня
В об'ятнях колдуньи злой.
Изба — дырявая опорка —
Что дед. (На печке старый жил)
А голод у порога зорко,
Как пес дворовый, сторожил.
Нас — «малолетков», безземельных —
Считали «жители» за сброд:
Десятский тростью самодельной

Не стучал нам в окно: на сход!
Веревке горя не развиться —
Связалась наша жизнь узлом.
И зерна золотой пшеницы
Текли в богаческий закром.
Не нам разбрасывала крылья
Поутру смуглая заря
И маки на степях ковыльных
Не нас улыбками дарят.
И не для нас день золотистый
Червонцы солнечные льет
И в синем небе ночью чистой
Заводят звезды хоровод.
Весной мы с бревнами, бывало,
А не с букетом васильков,
А летом зноем добивало
Трудом убитых батраков.
К нам осень в норы пролезала
В потоках слякоти и слез,
Шершавым языком лизала
Зима в рождественский мороз.
Из ледяной своей утробы
Плевала вьюгою степной:
С головкой кутала в сугробы,
Во вьюжках заводила вой.

2.

Вьюга скачет, вьюга плачет:
— Кто ты? мертвый? иль живой?
Век батрачить... век батрачить...
Жребий жалкий, роковой...
Вьюга хочет—захохочет,
Машет белым рукавом:
— Дни и ночи... дни и ночи...
Жребий жалкий роковой.

.
.
Буравом сверлила мозг
Сумасшедшей вьюги песнь
И растаяла—что воск—
На душе батрацкой плеснь.

3.

И я ушел. Без сожалений.
(Так улетает с поля ветер)
И там—на каменной ступени—
Тебя впервые встретил.
Мы — отколовшиеся атомы,
Гонимы нищею судьбой.

Я стал твоим родимым братом,
Ты по труду была сестрой.
Нас под обух стального молота
Страданья общие бросали
И, может быть, мы были молоды...
И снилась не твоя краса-ли...
Но взор прямой девичьи-чистый
Холодным был под дугобровью:
Огонь влюбленности иглистый
Нас не пронизывал любовью.
Нуждой убитых проглотила —
Часть прихода и расхода
Над безвозвратною могилой
Дождями плакала природа.

1916 г.

с. Большая-Каменка.

ИНАЯ ДЕРЕВНЯ.

I.

Все в электрическом сияньи
Веселое смеется зданье.
Но что написано на нем?
Горит незнамое названье,
Незнаемым горит огнем:
Во л и с пол ко м.

А рядом тоже дом отменный—
Пятистенный:
То—Народный дом.
А в доме том
В Коммунистической ячейке

Сырая, жаждущая масса
Впивает мед ученья Маркса—
Ведет о тракторе и жнейке
По деловому разговор.
Какой богатый медосбор!
Гудёт, гудёт изба-читальня—
Готовый отроиться рой.
И бьет, что молот в наковальню,
Зов комсомолки молодой:
— Ну что—что старь еще,
И что темны мы изнутри?
Мы все засветимся, товарищи,
От солнечного Октября!

.

II.

Где сонный стон гнусавых цевней?
И зуд старушьях веретен?
Где колоколен черный звон?
Над осовеченной деревней?—
Что это было, иль сказки древней
Чудесный светоч вознесен!
Мужик—не скрученный онучами—
Забыв постылый кочедык,
Лаптей уж не плетет из лык.
Забыл,—отцы как прежде мучились:

И про едучую лучину...
И про звериный предков зык—
От водяной турбины
Наэлектризованный мужик...

.....

Большая моя Каменка
Такое ли коварное: амбарное село.
Подумайте, товарищи,
Взобрался на бугор—
И старь в меня уставилась,
(Какая это старь еще!)
Уставилась в упор:
Осенила крестом колоколенка,
Протянула тягучие руки ветла—
Рукава-то—седой туман.
Стонный вздох мой неволен так.
Ой, до тла несожженная боль!
Вот и горло мое замерзло—
Подкатился ко горлу ком.
А сердце забилсьсь зачем-то, забилося
А в глазах горячий туман.
Ровно незрячий какой-то я.
Но с виду ни в чем не бывало бы:

Строго—на избы Сухолинские:
Что, мол, твои мне жалобы,
Ласки твои материнские!
Брови-то, брови нахохлил я—
Индийский петух—петухом
(Я нарочно ведь так нахмурился).
И прямо, да мимо,
Мимо церкви и дерева,
Дома мимо моево—
Прямо в волисполком.
Во-о-о!
Опустила бессильные руки
Ива над тихим протухшим прудом:
— Бездушный!
Колокольным стеклом раскололася,
Уколола меня колоколенка:
— Басурман.

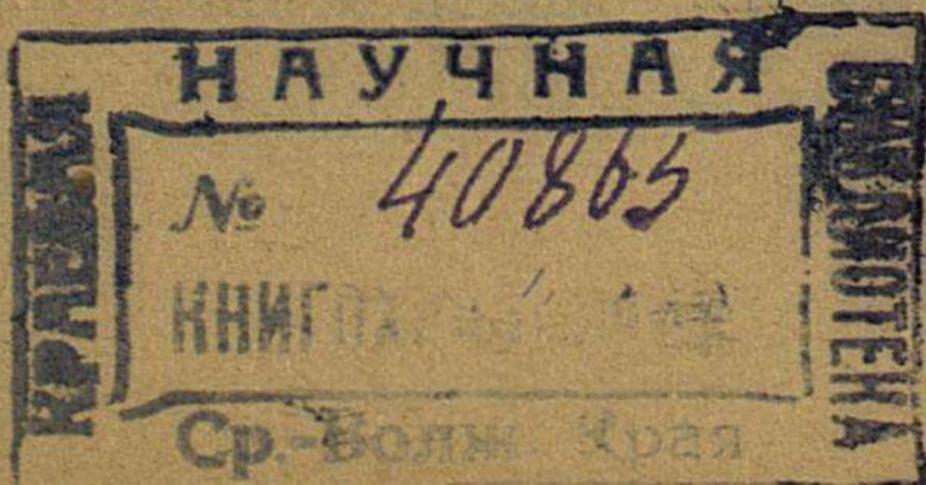
Поля попрежнему ленивы
И негой прежнею полны,
И те же древние расшивы
На гребне вспененной волны.
Все также мутножелта Волга,
Как баба сонная лежит
А на степи кустарник колкий

Вдоль нераспаханной межи.
Но раньше степь была немая:
Ее об'ятий я не знал
И вот—смеется, обнимая,
Зеленоглазая весна.
И тешат музыкой иною
Меня вихрастые леса:
Под пятикрылою звездою
Мои—земные небеса.
Колосья густо окаймлены
Спиралью нежных павилик.
Зачем же красные знамена—
По межам маки расцвели?
Зачем же там, где колос зреет,
Где лес от неги изнемог,
Все величавей, четче реет
Серпа и Молота венок?
Уж может быть не потому ли,
Что грежу равенством всех стран—
В нем чувства родины тонули
Как реки в море—океан.
В кругу степного хоровода
Мой взгляд бросаю как снаряд
И покоренная природа
Надела праздничный наряд.

ДЕРЕВНЕ ПРОШЛОЙ.

1.

За затылок соломеннорыжий
За протухнувший запах овчин—
Все безумней себя за тебя ненавижу
Я—отверженный сын.
Для меня ты ясна и понятна:
Не привыкла переть на рожон.
Я впитал твои язвы и черные пятна,
Я душою как ты прокажон.
Буду кровью лечить проказу,
Буду язвы твои вытравлять,
Чтобы братством светилася не для
показу,
Чтоб тебе не темнеть опять.

Чтоб могли оборваться нити,
Что стянулись на шее у всех жгутом,
Чтоб на этом бесплодном граните
Расцвели цветы потом.

2.

И сонный стон гнусого цевня,
И жуткий зуд веретена,—
Напевы детства прокляня,
Бежал: ты выжила меня.
И вот—стихов моих, деревня,
Глухая висится стена.
Я ненавижу писк мышинный,
Где курят ладон, льют елей.
Рев Революции машинный
Душе мятущейся милей.
Тут чувство глубже и мятежнее
Здесь жизнь проплужена межой.
Той стороне, где песни прежние,
Я весь враждебный и чужой.

Изранил мозольные плечи...
Усталые ноги болят...
Растелились далече-далече
Опаленные зноем поля.
С ними связан я тысячей нитей:
Детство... юность... труд...
Ну, а мысли мои в граните—
В каменных плитах цветут.
Воздух густо течет переливом—
Утопает вся в солнце земля.
А душа—по иному красива—
Улетела под стены Кремля.
С полудремою степь неразлучна,
Опаясана синей каймой.
Мне среди красоты этой скучно,
Мне узко на шири немой.

Только миг—на пути остановка
В тишине глухих деревень.
Не заржавит моя винтовка,
Не обманет манящая тень.
Я опять, несмотря на рану,
Распахну загорелую грудь.
Никогда продолжать не устану
Мой однажды начатый путь.
Вы над прошлым могильные свечи,
Опаленные зноем поля!
Я другому солнцу навстречу
Иду—
Пусть плечи болят.

Так нежданно любовь засияла—
На слиянье с невестой моею иду:
Все виднее иная деревня
Расцветает на новой—на звездном--лугу.
Я иду, а лицо у меня молодое
Со звездой огневою во лбу.
Сердце бьется в грудную клетку,
Что дубовая ветка в грозу.
Даже как-то смешно и неловко...
Сердце торкает скоро—так—скоро,
Я прислушиваюсь—и мне кажется:
Торк—торк...
Так—так...
Так—торк...
Трактор.

МАМА МОЯ НА СПЕКТАКЛЕ.

Мордовский шумный шушпан—
Такая в нем мама моя нарядная!
Только язык у нее таловый—
Земляное слово
Мохнатое.
А речи резвые режет:

М а м а.

(Говорит речь перед спектаклем).

Раб'ят полна изба,
А ровно одной ли одна-то я...
Рази жизнья у баб?
Нежить!

Чай, у печки-то душно.
Ай, не скушно окол веретена!
Не так ли?

Б а б ы (хором).

Верно, чего там, Степановна!

Вот те на!

Я сижу, затаив дыхание,
И слежу за моею мамою—
Хомутиною ниткой пришит,
Радостью радый незнамою
А в горле что-то першит.
Вспоминаю: ведь будто намедни:
Что ни день—меня плеткою потчевала,
Что ни день—прогоняла к обедне
А потом—бабье сердце отходчивое—
Напевала мне сказки ли, бредни
Целовала... и вместе мы плакали...

М а м а (продолжает).

Эх, бабы—народ безголовый!
Бабы, давайте смеяться.
Давайте играть спектакли.

Б а б ы (хором).

Будя, всамделе, маяться!

А мама по сцене мотается.

И растет—вырастает мама.

А спина-то у ней распрямляется.

А слепые глаза косые

Смотрят—прямо.

Как светло мне, хорошо-то!

Что ж туманятся глаза?

Не гнетет ведь их забота,

Не страшна для них гроза...

Вдруг—

Народный дом... бабы... стены...

Кто-то поднял потолок,

Стены сдвинул—уволок...

То-ли мама моя?—вся Россия?

Не земля ли вся—как мячик?

Впрямь земля—во вселенной мотается:

Вкруг солнышка ведет хоровод.

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ.

Почему же такую скучной
Ты с мотыгой идешь босиком?
Кудри песни звучей и звучной
Развились—обнялись с ветерком.
Ты поешь о простом, о бывалом:
Как любил—разлюбил тебя он.
В сарафане широком и алом
За горою горит небосклон.
Зацелует, возьмет, не упустит
Ветер вольный—любимец всех стран,
И тягучие щупальцы грусти—
Не удержат твой радостный стан:
Всюду брызнули по полю знаки
От весенней румяной руки.

Как красивы кровавые маки!
Как веселы весной васильки!
Ты поли наливную пшеницу,
Разбросай по меже лебеду.
Пой победную песню, девица,
Песню сочную солнцу—труду.
Пятикрылым с позиций вернется,
В хоровод забредет на селе.
Сердце девичье—стрепет—взовьется,
Будет песня куда веселей!

ВОЛКОНФЕРЕНЦИЯ.

Ихтиозавр периода третичного—
На неоструганной скамье.
Ну что, ну что в них поэтического—
Скажите мне!
Сидят пришиты.
Лица строгие.
Обвисли бороды.
А волос кольцами.
Врасли в доклад о сельналоге,
Впились в доклад о землепользовании.
То солнышка лучи косые,
То хмурая гремит гроза:
Глаза мужичьи земляные—
Глубокие глаза.
Лишь не унять никак галерки—

Повис махорочный галдеж:
Как будто на вечерке
Смеется, молодежь...

Ихтиозавр периода третичного—
На неоструганной скамье.
Как много в этом поэтичного!
Как стих кипит во мне!

ПАСЕКА.

Застыл—что гриб—среди поляны
Амшанник с мшистой бородой
И—в цепь рассыпавшись—даданы
Живой мелькают бороздой.
А лес мохнатый и веселый
Руками машет и гудёт:
Роями труженицы-пчелы
Ведут рабочий хоровод.
Жужжанье творческое фабрик—
Неумолкаемый гудок!
И каждый миг живой кораблик
Нырнет в створчатый леток.
В леса, поля, на юг и север
Волна пчелиная течет—

Им липы, нёклены и клевер
Дарят цветов янтарный мед.
Задернут кисеей вощины
Перенаполнившийся сот.
А солнце с огненной вершины
Медовые потоки льет.
Труд над коммуной медоносиц
Об'яття знойные простер.
Он мысль мою пчелой уносит
В цветущий творчеством простор!
Как сладко быть ячейкой сотов,
Вести восстаний светлый рой.
Все неустанней, выше взлеты,
Со—Ре, наш улей Мировой!

БАХЧУ ПОЛЮ.

Полынь, осока, подорожник,
Пырей да сочный молочай,
Да стебелек резной арбуза,
Мотыгой взятый невзначай.
Вот непосредственный художник!
Стихов певучая обуза—
Как эта кепка, эта блуза—
Сегодня сброшена с плеча.
Полю пырей да подорожник.
Мотыга.
Солнышко.
Бахча.
Да и зачем, зачем стихи мне?
Полотьем полон до краев.

В мотыжномускулистом гимне
Все тело ноет и поет.
Поднялось тело и упало—
Плывет усталое в волнах.
Отдашь ни много и ни мало—
За крошку отдыха всю жизнь отдашь.
Ах,
Час желанного привала!
Всегда ты наступаешь вдруг.
И разливается усталость,
И валится из рук
Зудящих
Мой небывалый
Настоящий—
Железнодорожный карандаш.

ДАЕШЬ, СТЕПЬ!

Вопьешься правою в окосево,
Рукою левою—за верх,
И гнется луг, как будто просит он,
И всюду вжиг, и звон, и сверк.
И полукругами
Коса в'едается в траву—
Все наступаем друг за другом мы
На заливную бичеву.
А после каждого прокоса
Я косы звонкие точу,
Они жужжат—жужжат, как осы;
Хочу—хочу—хочу—у—у...
Огнем сверкают под смолянкою
Истошно воют под бруском—

Мы по пятам, да за беглянкою,—
И степь бежит от нас кругом.
Грудь раздуешь, гахнешь, гаркнешь:
Гей ты, степь—даешь!
За косою—потный, жаркий—
Трудовой размах поймешь.

ДАЕШЬ СТЕПЬ

НОЧЬ НА СЕНОКОСЕ.

Степь смотрит вдумчивая, строгая,—
Отягощенная росой.
Иду от сметанного стога
На стан—
Усталый и босой.
Вдали костер кивает весело
Кудряводымной головой.
По-над степью низко свесился
Полог темноголубой.
Только край не в позолоте—ли
Там, где тихая заря,
Только жители болотины
Разболталися зря:
Редко, гулко бухнет бухало,

Кричат так часто дергачи.
Чтоб пламя алое не тухло,
Пылай, костер, бунтуй, скачи!
Ведь ты, жарник,—маяк единственный
В притаившейся тиши.
Пусть ночь темнее и таинственнее,
Ты жарче волосы чеши.
И чешет кудри золотистые
Переливным гребешком.
Наливные да плечистые
Косцы беседуют перед костром:
О разных странах и губерниях,
О том, что делали весь день...
А в небе меркнула звезда вечерняя
При утренней звезде.
Потух костер.
Простор белее.
Блеснуло озеро, как серебро.
Проснувшийся—со степи росной—
Прохладой ветер веет...
День солнечный, день сенокосный
Поставлен снова на ребро.

КАК Я ЖАТЬ УЧИЛСЯ.

Лет мне, может быть, уж девять.
Летом это. Жали рожь.
Дали серп: пора и мне ведь!
— В горсть возьми, сожми... Пониже.
Ну, а там и сам поймешь!
Тятыке некогда, я вижу:
Серп зубастый с легким хрустом
Подрезает матку-рожь.
Смотришь: уповод и пусто.
Только жнива—колкий еж...
Разломило поясницу,
Руки ноют у жнеца
Да сбегают вереницей
Капли с черного лица:

Жну.

И вот—

Солнце, солнце, что со мною?

(Ах, жара—дышать уж нечем!)

Ровно дед с небесной печи

Слез... и горсть меня берет...

Сжал... Мне больно... Ой!

Завертелось все кругами,

Все кругами пред глазами,

Замотали головами

Мальвы-красные с межи...

— Ляг, ступай копь, за скирдами:

Тряпкой палец завяжи!

УРОЖАЙ.

Скинуло солнышко синюю куртку
Да бух—в поля, а с небом—врозь.
— Солнышко, слышь-ка?
Обезумело что ли:
В поле—
Плывешь нагишкой!
Вся земля от стыда золотая—
Налилася земля стыдом:
И закрыла поля белотуркой
И безосткой закрыла с головкою.
— Не гляди:
От стыда я растаю.
Не входи
Во зеленый мой дом.
Подплывало к ней солнце сторонкой.

Целовало в поля—сгоряча.
Ой, какой золотой, да и звонкий,
Да и жаркий шептало урожай!
Все нипочем
Видно ему—
Сочному солнцу
Нестыдному.
Умывает поля дождем—
Утирает поля теплом.
И плывет все плывет переливом,
Золотыми руками гребя.
(Так бывает и няням ворчливым
Ни за что не унять ребят!)
А у солнышка зубы—зубренным серпом.
Зазвенело—запело косой луговой:
Не к земле ли—неплодной келейнице в
дом—
Полюбовник вошел молодой.
Всколосились овсы—
И овсы и ячмень.
А пшеницы какие, ржи—то!
Золотеет земля, что ни день—
Что ни день.
Стекают снопы с полосы.
Куда же девать—жито?

День труда до дна весь вышит.
Вечер. Отдых. Тихо так.
Монотонно стонут выши.
Лягушачий жарок квак.
Все звончее вопли вышей,
Лягушиный жарче клик...
День труда до дна весь вышит,
А труд—как Тихий океан—велик.

с. Большая-Каменка.

СТЕПЬ ПОКОРЕННАЯ.

Где же, где ты буйножгучая
Первобытная краса!
Сбрила волосы певучая
Сталезвонная коса.
Степь сожженная, безросная.
Шире—дальше кругозор.
Стог за стогом встали рослые—
На дозор.
По—над степью часовыми
Эти чуткие стога.
Звезды кружатся над ними,
Месяц прячет в них рога.
Мышцы сметаны ометами,
Силы—скопленные в стог:
Человек своими взлетами
Степь седую превозмог.

Липнет жирнопарная земля,
Лижет ноги мои босые,
Отпечатки ступни поскользающей для.
Под косым ветровым дождем
С мужиком—земляком
Мы идем.
Мой земляк—настоящий медведь,
Да и я на медведя похож.
А кругом—
Раскаленная медь:
Поспевающая рожь.
Спутник мой все «угу» да «ага»—
Знать, устал—и язык пристыл:
Мы метали весь день стога,
Поднимали на вилах пласты.
А лягушки обрадованно квакают,

Да стрекочет во ржах стрекоза.
Липнет—липнет земля и чвакает,
Тянет ноги босые назад.
А мы—грязноногие—
А мы по дороге
Под косым ветровым дождем
Мы идем
С земляком.
Идем—
И больше ничего.

О Т Д Ы Х.

День снял рабочие одежды—
В поту натруженная грудь.
Смежает солнечные вежды
Как дню—то хочется заснуть!
В халат кумачевой одет он
Зарю румяную обнял.
Как много—много неги летом
У засыпающего дня!
Полотна облаков оденут—
И в миг растают без следа.
И вновь плывет вечерней смены
За чередою череда.
Над пропотевшею деревней
Простор прохладной тишине.

Лишь песни дёвьи все напевней,
Все гуще плещут в вышине...
Лишь иногда кузнечик треснет,
Да птица комом пролетит—
И убаюканное песней
В постели мягкой поле спит.
А завтра день расправит крылья
У юной утренней зари—
И заснут в степи ковыльной
В рубахах красных косари.

О ДЕТСТВЕ.

Настроенье сладкозвонное,
Сердца бой—
Простой
(Когда-то)
Не поймешь.
Степь-ли, солнцем напоенная?
Лес мохнатый?
Зеленеющая рожь?
Мужики-ль, в дрезину пьяные?
Колокольный черный звон?
Детство дикое да пряное,
Детство—ранний стон.
Зори алогусторосные,
Да мальцу не до зари—

В полевом поту со взрослыми
В обливном поту варись.
Встать до солнышка с коровами,
Вместе с солнышком—в постель.
Дни—холстинами суровыми,
Дни—в убийственном посте.
В бор заброшен медвежонок.
Вся отрада—в тумаче.
Не качался мордвичонок,
Не качался в гамаке.
Вот и помню (так-ли помню!)
Не поглажен по головке,
Не похлопан по плечу.
Потому-то все огромней,
Все огромней, неумней
Детство в новой обстановке
Перечувствовать хочу.
Настроенье сладкозвонное
Разве сразу-то поймешь.
Степь-ли, солнцем напоенная?
Зеленеющая рожь?

О С Е Б Е.

Ах, какая ширь распластана,
Ой, какой простор жнецу
По лицу моему скуластому,
По веснушному лицу.
Открывает память ларь:
Полыхают села.
Чудь лесная вся в огнях,
Бор гудёт дебелий:
—У—у—у...
Это «белый русский царь»
(Только в песне «белый»)
В древневолжских деревнях
Замордовывал мордву—
Правил пир веселый.

Плач ягнят, ребят да баб,
Кала ароматы,
Лес да чадная изба—
Вот мои палаты.

Землю рыли—что кроты—
Землю грыз да рыл бы.
Немо, если бы не ты,
Глыбою застыл бы.

Ро-со-ре!

Переродила:

Два крыла дала ты.

В прошлом немо и черно...

Ты ж меня—в поэты!

.
Стал жнецом совсем особенным—

Колосистых слов жнецом.

.
Для тебя для милой

Я стиха лопатой

Полнозвонное зерно

На ветру провею.

Може, гордость это?

Сжат от пяток до бровей,

Сжат ты—жалкий—ею.

Жатвы песенной твоей,

Алексей, Алексей,
Где же, где скирда-то?
Жарко спрашиваюсь часто я
И смотрюсь лицом в лицо:
На лицо мое очкастое,
На скуластое лицо.

ОБ ИГРЕ В ЛОШАДКИ.

Этот душный конюшенный терем!
А в нем подъяремный зверь:
Человек или мерин?
Зануздавши мочальной возжой,
Правил дядя чужой
Этим зверем.
Послушный и шаткий—
Был в деревне игрушкой живой.
В этой древней игре в лошадки
Сколько жути, измерь!

ПЕРВАЯ МАЕВКА.

Вот и помню:

Той весной...

Дно прохладного оврага...

Помню: мох лесной...

Бьется сердце неуемно—

Речкою на сердце льется,

Льется огненной брагой

Речь оратора:

— Товарищи!

Скоро гнет царящий сгинет:

Этот день из всех дороже

И не....

Трра.

Тар-ра.

Трр-ах.

И сразу день—темнее ночи.

Бежим... и в жар, и в холод...

И вижу: кровь оратора...

А был, как мы, он молод—

Даже был он многих моложе

Из ближнего города рабочий.

.

ВЧЕРА ПРИЕХАЛ Я ИЗ ГОРОДА...

Вите—дочурке 3-х летней.

Вчера приехал я из города
И—зачарованный—стою:
Стелет огненную бороду
Солнце с запада на юг.
А само такое ласковое...
И удивительно глядеть—
Как закат его за волосы стаскивает
И—сажает на поветь.
А заря-то (знать, зазорно ей)
Закраснелась кумачем...
Село солнышко покорное,
С повети светит—
Нипочем!

А когда оно Витю увидело
Сквозь разбитое избяное окно,
Вот-то прыснуло в личико Витино,
Как беззубый старик на толокно.
Наползет ли на солнышко тучка,—
У Вити сморщится лицо...
Они—как дедушка и внучка,
И хорошо мне быть отцом.
О, золотое невозвратное
Я детство в дочери наблюдаю—
Люблю и солнышко закатное
И дочку малую люблю...
Целую в огненную бороду
Зарю, дочурку-ли свою—
Вчера приехал я из города
И—зачарованный стою...

ВОЛГА.

Вот в эту волжскую природу
Поэт мальчишкой был влюблен,
И вновь пришел из хоровода
Столиц,
В их зное закален.
Былая будто беднота
И тот же барин ражий,
Но не признаешь прежних лиц.
О, Волга! — Та же...
Да не та!
Не подберешь к ней слова даже.
.
.
Ты, Волга долгая, качала

Струги разгульной батрачни—
Без берегов, да без причала
Лились бунтующие дни.
Кистень забыл здесь Стенька Разин:
Он бил бояр, да «богачев».
И царских псов другой здесь дразнил:
Мелькал Емелька Пугачев.
По Жигулям вдоль Волги вольной
Гуляла голь, да беднота,
А там—в Москве первопрестольной—
Помост—и голова снята...

.
.
Знать, неуемною борьбою
Лета окрашены не зря—
Здесь на степном на волжском зное
Заветы зрели Октября.
Не раз Самару ставил к стенке—
Ей враг о гибели скулил,
Но крепко памятью о Стеньке
Заматерели Жигули.
Здесь чех нас за грудки цапая,
Хотел—коленкою на грудь,
Но не согнуть полки Чапая—
Как Волги вспять не повернуть.

Из Волги вольности черпая,
Росли и множились вожди.
Ходил в степи Василь Чапаев
И лил свинцовые дожди.
И я вот к Волге—ровно к маме—
Губами жадными приник
И пью ребячьими губами
Любви и вольности родник.

.
.

Люблю тебя, моя Самара!
Любовь мою—как воды Волги—
Не иссушить, не иссушить.
Люблю тебя, моя Самара,
За взор уверенный и колкий,
За мощь рабочего удара,
За широту души.
За полуазиатские люблю кварталы,
За паровозные гудки.
Недаром же певцы Самары
Так полнозвонны да чутки.
Герасимов—полумонгольской расы
Шахтер—взлетевший до вершин.
И мордвишонок косоглазый—
Чистокровный волжский финн.

Лишь рано свянувший Тисленко
Не вынес тяжести годин...
Ну что ж! Мы лбами прошибаем стенку.
Еще погибнет не один.
И будут нудные кануны,
И взлетов солнечных чреда,
Но никогда певцы Коммуны
Не прекращают
Шаг
Труда.
О, Волга,—вольности начало.
Струись о временах других:
Ты без конца и без начала
Качай
Певучие
Струги.
.
.
Из городского хоровода
Столичным звоном напоен,
Но в эту волжскую природу
Вновь по мальчишески влюблен.

ЖИГУЛИ.

День клонит голову все ниже—
Дрема его долит.
А солнышко вот-вот
Над распластавшеюся Волгою
Упадет.
А Волга долгая
То берег неизменный любовно лижет,
То львицей бьется в Жигули.
Платком зари простор одет—
Он пунцовеет и горит...
Встречь по воде—
По солнечноречной дороге—
Уходит день за дали гор...
И потемнеет город строгий...

И потемнеет горный бор...
И скоро в Волжские Ворота
Неслышно темнота войдет,
А там
Неутомимый кто-то
На бакане фонарь зажжет.
И будет труд гореть на бакане
Звездою алою гореть,
Показывая знаками
Пароходу проход.
А по заре
С постели мягкого тумана
Подымет солнечную голову
По-над Волгой новый день:
Оденет красною рубахою:
И город—труженика голого,—
И Жигулевские курганы,
И тьму заволжских деревень.

Какая тишина густая
И степовой простор.
Как хорошо на солнце таять
И утопить в степи свой взор.
А степь приветливопростая
Распласталась от жары
И, обнажив живот и спину,
На солнце смотрит не мигая—
Манит в зеленую равнину
С высокой голубой горы.
А ковыли вдали белеют,
Сплетя ей белую чалму.
А облака над нею веют—
Плывут... куда? и почему?
И ехать в этой духоте,
И ехать степью стародавней—

Ведь стоит только захотеть
И растворишься без следа в ней.
Вот и еду будто пьяный я;
Степные запахи глотаю.
Какая духота здесь пряная.
Какая тишина густая.
Дрема долит...
Плывешь по воздуху дремля,
И мнится: вся земля горит,
Горит земля —
Как тихий полевой жарник...
Один лишь ветер—озорник—
Щекочет груди у полей,
Ерошит гриву лошадиную
И дует в уши с Жигулей
Шальную песню соловьиною.
А над деревней пробегая,
Задумчивый подымет дым...
Как хорошо, как хорошо быть молодым—
Когда и тишь и полнота такая!

ГРОЗА ПЕРВОВЕСЕННЯЯ.

С розмаху
Окосево
Вбросилось
В кучу
Туч.
Гу-у-ул...
Ви-и-изг...
И —
Полноводною грозою
Разгрохотались небеса:
Ветер
Руки размахнул,
Ветер —
С воющей косою,

Ветер —
Летчик да косарь.
Гремит и хлопает и длится
Необычайный сенокос—
Туча с тучею клубится,
Ложится на прокос.
Огнеметными смолянками
Точились, дзвизя электрокос...
А над полями, над ветрянками
Прозрачное из туч лилось...

СОК — РЕКА.

Крутообрывный вижу выем,
Себя—ребенком на берегу.
Дубы кряжисто вековые
Реку ревниво стерегут.
Реки переливное тело
В объятиях лесных измято.
Здесь ночью тихосинебелой
Так хорошо клюют сомята.
В воде ныряют звезды звонкие
И мызжет щукою луна.
Напряг ушные перепонки я
И взор натянут, как струна.
Болотная-ли вышь застонет,
Заплачет в озере дергач—

Таинственно все на затоне:
И ветра смех, и птичий плач.
А тонкошеи речные лилии
Мечты ребячьи увели
Туда, где эти воды вылились,—
Под Жигули.
Туда, где Волга в Каспий катится,
Вливаясь в тысячи лагун.
Ползет-ли жизнь, как каракатица?
Иль жизнь несется, как скакун?
Там города неотвратимые,
Столицы сгрудились в комок,
Там даже камни мне любимые
Больней чем Каменка и Сок.
Годков десятков с шеи сбросить-бы,
Пожить мальчишкой на Соку,
Чтоб молодым—без ранней проседи—
Всю жизнь бороться на скаку.
А воды Сока пахнут мятою
Переливаясь, гремят,
Клюют усатые сомята —
Ловлю сомят.

с. Большая-Каменна.

В ЛЕСУ.

Тропа.

И утопаю весь я
Все глубже-глубже без из'ятья
В твои об'ятья, чернолесье,
В твои ветвистые об'ятья.
Шушат вз'ерошенные листья
И прелью пахнет перегной.
— Зачем пришел, — где норы лисьи?
Зачем нарушил наш покой?
Стоят дубы, что часовые,
Не пропускает нас орешина.
— Ужели вы меня забыли?
Какого в самом деле лешего!
Вот это мой отец Як Федорыч,

А там вон мой братан Сергунька
А сам я с детства ползал окорочь,
Играя с ветром.

Ветер дунь-ка!

И лес узнал во мне знакомого.
А ветер в щеку-щеку ластится.
— Себя здесь чувствует как дома он,—
Осина кинула балясница.
И продирались мы в чапыжнике,
Прошли все поруба и просеки—
Конфузливо краснеют рыжики,
Серьезно смотрят подберезники.
Насобирали мы валежины,
Срубали скрипный сухостой.
Деревья узнанные ожили—
И стал весь лес как-бы живой.
Вот здесь нашли тогда мы ежика
А здесь мы пили сок березовый:
Мы ковыряли кору ножиком—
Был сладкий сок такой да розовый.
И тянутся о прошлом нити—
Так много-много новых дум...
Поет комар над правым ухом:
— Спи-и-ите?
Другой над левым вторит:

— Ку-у-ум?

(Комар—его не переспорит

И пушка орудийным бухом)

Да и делать больше нечего,

Лошадь с возом не стоит.

Солнце в лес приходит вечером,

Чтоб деревья золотить.

Деревня под соломой дремлет—
Солома начинает гнить,
А город иссушает землю.
Кому ее плодотворить?
Когда меж города—деревни
Протянется двойная нить?!
Чтоб звон не мучил колокольный,
Пахучий ладан не кадил,—
Мотор в глаза и в уши больно
Бензинным ревом не чадил,—
Чтоб в музыкально-нежном такте
Играл оркестр-автомобиль,—
Усовершенствованный трактор
Не подымал на поле пыль,—
Свет электрической звездой
Тугою вольтовой дугой
Повис—над черною избою,

Над бабьей вшивой головой.
Гул города не приемлю
И «гуменники» и «зады»,
Цветущую провижу землю,
Иные города—сады.

СТЕПЬ

ПОЭМА.

Жене--товарищу Оле.

I.

Кивали белыми чалмами
Над степью тихой ковыли:
— Спи... спи... спи...
Да не спится степи,
Не спится.
Забота спать нам не велит,
А у степи забота:
Наряд венчальный не готов.
Ой, не готов наряд венчальный!
Ведь степь—что спелая девица.
Она и рада, и печальна—
Девица 18-ти годов.

Кивали белыми чалмами
Над степью тихой ковыли:

— Спи... спи... спи...

А ей не спится —

Мечты девичьи обвели.

За солнцем тянется руками:

Мелькали солнечные спицы.

Текли от необычных спиц:

Холсты беленые—равнины,

Лесов зеленый войлок плыл,

Ковер травы персидский длинный,

А воздух в полог выткан мглы...

И вот —

Готов наряд венчальный.

Придет жених живой любимый

Из дальних строгих городов,

Со степью слобиться в глуши:

Ты эти брачные одежды

Скорее, дождик-дождик, вымой!

Скорее, солнце, обсуши!

Жених желанный, где же ты?

Кивали тихо ковыли:

— Спи...

Дрема долит...

То на яву? во сне-ли снится?

Или от мельканья спиц?

Вот кто-то тянется руками,
Руками по грудям бежит
И жжет горячими губами...
И степь счастливая тиха,
И степь покорная лежит
И ждет...

Приходят призрачные лица,
По-над спелым телом кружат.
Но нет живого жениха
И никогда не будет мужа.
Сонливо спицы стучают:
Вновь расплеталось, вновь плелось
Ее затейливое кружево.
Согнулись скулы скукою,
Зевотою лицо свелось.
Зачем невестою одета?
Ненужная. Ветра, возьмите!
Жених желанный, где ты?
Кивали ковыли...

А степь от страсти истекая
В изнеможении лежит.
Лишь солнышко в зените
Ее любит боками.
Да ветер по грудям бежит.

Спится ей, не спится-ли—
Дрема ее долит.
Длинными ресницами
Кивали ковыли.

II.

Спала.
Овьюжена веками —
Со ветрами пополам.
Над ней куражились бураны...
Над ней дымились ковыли —
Все ковыли вились—дымились...
Ее баюкали баяны
Силетая кружево былин.
Какие сны безмужной снились
В об'ятях мшистой старины?
И большелобые курганы
Дремали в дебрях тишины...
И громогласными боями
Зыбучий воздух не страдал...
И обрастала лишаями
Ее густая борода...

И крепко неба синий невод
Над нею кто-то завязал...

Прослепли плесенью у девы
Колодцы темные—глаза.
Одна отднюет, спит одна—
Безплодна в холостой постели.
В кесе видна уж седина,
Одежды брачные истлели.

Степь—дева старая келейница—
Не ждет земного жениха.
Когда же время переменится—
В степь вонзятся лемеха?

III.

Враз вихрастый ураган
В степь вонзил упругим плугом.
Парень властный, да игривый—
Кругом-кругом-кругом-кругом
Закружил девичий стан.
Прихотливым переливом
Льются борозды—что гривы—
Гривы черного огня...

Краски ночи, краски дня—
Все смешал.
И бежал,
Все бежал —
Все безжалостно мял.
Нарастает,
Полыхает —
Все крепчает ураган.
Дерзкой хваткою охапку
Молний—ломкую солому—
С неба взбухшего схватил,
Молнию переломил,
Изломы,
Что есть сил,
С круч —
В степь.
На нее свинцовой шапкой
Легионы туч
Нахлобучил —
Навалил.
Сам во мраке,
Сам в огне
Стиснул больно девьи груди,
Больно.
Свистнул в уши —

Точно жгут

Опалил:

— Эй-ли, гой-ли, поле, поле,
Отдавайся мне!

Маки, маки красной воли

Поле полымем зажгут.

Брось бесплодья покой —

Сна не знай.

Плодовитой, да живой —

Застенай.

IV.

Как больно, боязно и странно...

Он ранит—ураган,

Но степь... ей сладки раны,

И вспугнутые тени,

И взор его орлино-зоркий...

И вот—упала на колени

Не то в мольбе, не то в восторге...

Он страшен и не страшен ей:

Материнской пашней

Грезит девственница—степь.

И степь обняла страстно юношу.

Степь.

Ласкай, и жизнь в меня пролей.
Во чреве черноземном выношу
Сына воли и полей.

Ураган.

О, степь! Товарищем-невестой
В пожаре счастья—гори.
Вдвоем сольемся и промчимся—
Любви порыв необорим
Любви — двоих.
О, степь моя! Как знойно-молодо
Пшеница пышет от ланит
Твоих.
Мы под венцом серпа и молота
Восходим в солнечный зенит.

Март 1919 г.—Март 1922 г.

